

УДК 821.161.1.0

**ОБРАЗЫ НЕМЕЦКОГО МИРА В «ЗАПИСКАХ ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ»
Л.К.ЧУКОВСКОЙ**

Жаткин Д.Н., Круглова Т.С.

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», Пенза,
e-mail: ivb40@yandex.ru*

В статье систематизируются материалы, касающиеся осмысления образов немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской. Отмечено, что немецкие реалии (темы З. Фрейда, А. Гитлера, Э.-Т.-А. Гофмана, Р.-М. Рильке и др.) возникают в произведении в непосредственном соотношении с явлениями российской действительности, событиями в общественной, литературной и культурной жизни, а также с обстоятельствами личной жизни поэтессы А.А. Ахматовой и ее биографа Л.К. Чуковской, такими как взаимоотношения с Н.Н. Пуниным, жизнь в эвакуации в Ташкенте в начальный период Великой Отечественной войны. Отдельные отклики стали результатом прочтения произведений русских и немецких писателей (например, романа Ф. Кафки «Процесс», повести Э.Г. Казакевича «Сердце друга»), знакомства с работой русских переводчиков немецкой литературы Б.Л. Пастернака, К.П. Богатырева, В.В. Левика, А.М. Гелескула, Т.И. Сильман и др.

Ключевые слова: Л.К. Чуковская, записки, русско-немецкие литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация, традиция, художественная деталь

**GERMAN WORLD IMAGES IN «NOTES ABOUT ANNA AKHMATOVA»
BY L.K.CHUKOVSKAYA**

Zhatkin D.N., Kruglova T.S.

Penza State Technological University, Penza, e-mail: ivb40@yandex.ru

The article systematizes materials concerning comprehension of the German world images in «Notes about Anna Akhmatova» by L.K. Chukovskaya. It is noted that German realities (themes of S. Freud, A. Hitler, E.T.A. Hoffmann, R.M. Rilke and others) emerge in the work in the direct correspondence with phenomena of the Russian reality, events of social, literature and cultural life, as well as circumstances of personal life of the poet A.A. Akhmatova and her biographer L.K. Chukovskaya, e.g. relations with N.N. Punin, life in evacuation in Tashkent in the early period of the Great Patriotic War. Some responses were the result of reading works by Russian and German writers (e.g. F. Kafka's novel «Process», E.G. Kazakevich's story «Friend's Heart») and works of Russian translators of German literature B.L. Pasternak, K.P. Bogatyryov, V.V. Levik, A.M. Geleskul, T.I. Silman and others.

Keywords: L.K. Chukovskaya, notes, Russian-German literature, historical and cultural relations, intercultural communication, tradition, literary detail

Целью настоящей статьи является систематизация материалов, характеризующих специфику осмысления образов немецкого мира в одном из лучших отечественных произведений в жанре биографического повествования – трехтомных «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской, удостоенных Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства за 1994 г. В прежние годы в контексте международных литературных связей (преимущественно русско-английских) рассматривалось лишь творчество К.И. Чуковского [1, с. 225–241; 2, с. 199–206; 3, с. 157–190], тогда как и произведения Л.К. Чуковской дают богатый интереснейший материал. Фактография тщательно собрана нами по тексту «Записок об Анне Ахматовой» и сгруппирована с учетом содержательных особенностей, что позволило акцентировать представления А.А. Ахматовой и ее биографа Л.К. Чуковской о значимых явлениях немецкой культурной, литературной, общественной жизни.

1. Обращают на себя внимание резко негативное отношение Л.К. Чуковской к Зигмунду Фрейду и изменения в восприятии З. Фрейда А.А. Ахматовой, происходившие в 1940–1950-е гг. не без влияния все той же Л.К. Чуковской. Так, 9 августа 1939 г. между Л.К. Чуковской и А.А. Ахматовой возникает спор, во время которого последняя объясняет причины, побудившие ее довериться З. Фрейду:

«Я призналась, что меня раздражает фрейдизм, что я во Фрейда не верю.

– Не скажите. Я многого не понимала бы до сих пор в Николае Николаевиче, если бы не Фрейд. Николай Николаевич всегда стремится воспроизвести ту же сексуальную обстановку, которая была в его детстве: мачеха, угнетающая ребенка. Я должна была угнетать Иру. Но я ее не угнетала. Я научила ее французскому языку <...>» [4, т. 1, с. 39].

Из записки, сделанной 12 июня 1940 г., следует, что А.А. Ахматова отчасти пересмотрела свои представления о З. Фрейде,

отметив в его учении целый ряд несуразностей и несообразностей:

«Заговорили о Фрейде. Я сказала, что не люблю и не верю; единственно, что для меня привлекательно в его учении, это мысль о той огромной роли, какую играет в жизни каждого человека раннее детство. Чем дольше живешь, тем яснее это понимаешь.

– Да, разве что это, – вяло согласилась Анна Андреевна. – А во всем остальном... во всех этих сексуальных рассуждениях и мифах так и видишь отражение той прокисшей, косной, провинциальной среды, в которой он жил...» [4, т. 1, с. 150].

К учению З. Фрейда Л.К. Чуковская и А.А. Ахматова вернулись много лет спустя, что отмечено в записи от 30 июня 1955 г., согласно которой А.А. Ахматова решительно не принимает З. Фрейда, даже считает его личным врагом, лишаящим любовь ее главного достоинства – естественности, спонтанности, неподчиненности правилам и канонам:

«Я пошла ее проводить. По дороге заговорили о Фрейде. Я призналась в своей нелюбви. Все мне кажется неправдивым, придуманным в его теориях, кроме, разве, той огромной роли, какую он приписывает раннему детству.

– Фрейд – мой личный враг, – с торжественной медлительностью произнесла Анна Андреевна. – Ненавижу все. И все ложь. Любовь для мальчика или девочки начинается за порогом дома, а он возвращает ее назад, в дом, к какому-то кровосмешению... А насчет раннего детства догадывались и без него» [4, т. 2, с. 154–155].

2. Тема Гитлера в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской рассматривается в трех аспектах – Гитлер и Сталин, Гитлер и его отношение к евреям, Гитлер и нацистские преступления, при этом основным направлением размышлений собеседниц были все же параллели между Гитлером и Сталиным, а все остальное возникало ситуационно, было вызвано конкретными эпизодами жизни. А.А. Ахматову и Л.К. Чуковскую объединяет отношение к Сталину как к преступнику, подобному Гитлеру и даже более страшному в сравнении с ним. Параллели между Гитлером и Сталиным появляются в «Записках об Анне Ахматовой» после выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачением культа личности. 4 марта 1956 г. Л.К. Чуковская записывает реплику А.А. Ахматовой, ставшую непосредственным откликом на речь Н.С. Хрущева: «– Сталин, – говорила Анна Андреевна, – самый великий палач, которого знала история. Чингиз-хан, Гитлер – мальчишки

перед ним. Мы и раньше насчет него не имели иллюзий, не правда ли? а теперь получили документальное подтверждение наших догадок» [4, т. 2, с. 196].

В связи с публикацией главы «Так это было» из поэмы А.Т. Твардовского «За далью даль» на страницах «Правды» 29 апреля 1960 г. между собеседницами разгорается нешуточный спор: А.А. Ахматова приветствует А.Т. Твардовского за признание в стихах «Своей крутой, своей жестокой / Неправоты. / И правоты» сталинской «неправоты», тогда как Л.К. Чуковская осуждает поэта за сталинскую «правоту»: «...я в бешенстве. Какая же правота у профессионального палача? У напарника Гитлера?» [4, т. 2, с. 392]. В записи от 20 октября 1963 г. А.А. Ахматова обвиняет Сталина, наряду с Гитлером, в блокаде Ленинграда, утверждает, что город необходимо было сдать врагу, чтобы избежать многочисленных человеческих жертв: «Я блокаде не умиляюсь. Я ее ненавижу, как ненавижу ежовщину, как все, что делал Сталин. Это ведь тоже он, не только Гитлер, даже гораздо больше он, чем Гитлер... Для спасения людей, Царского, Павловска – город надо было отдать. Да, да, не удивляйтесь: отдать. Тогда не умерли бы сотни тысяч...» [4, т. 3, с. 100]. Ненависть к Сталину вела А.А. Ахматову к собственному пониманию событий Великой Отечественной войны, подчас сумбурному, а подчас и крайне субъективному, основанному на эмоциях, о чем свидетельствует такое примечание Л.К. Чуковской к записям 1940 г.: «Ахматова, рассказано в »Блокадном дневнике» Ольги Берггольц (в записи от 24 сентября 1941 года), сидит в кромешной тьме, даже читать не может, сидит, как в камере смертников. Плакала о Тане Гуревич (Таню все сегодня вспоминают и жалеют) и так хорошо сказала: «Я ненавижу, я ненавижу Гитлера, я ненавижу Сталина, я ненавижу тех, кто кидает бомбы на Ленинград и на Берлин, всех, кто ведет эту войну, позорную, страшную...»» [4, т. 1, с. 297].

Передавая в дневниковой записи от 10 января 1963 г. собственные впечатления от событий, связанных с судом над нацистским преступником Адольфом Эйхманом, и, прежде всего, от знакомства с речью прокурора на проходившем в Израиле процессе (эта речь была опубликована в Иерусалиме в 1961 г. отдельной брошюрой под названием «6 000 000 обвиняют»), – «...вот мне казалось, что я уже все знаю про немецкие лагеря смерти, про расстрелы и печи, а речь прокурора заново меня перевернула» [4, т. 3, с. 10], – Л.К. Чуковская вновь соотносила Гитлера и Сталина:

«—А как ты думаешь, сколько миллионов погибли у нас при Сталине? — спросил Дед <К.И. Чуковский>, когда я подавала ему валенки. <...>

— У них шесть миллионов, а у нас при Усатом тридцать, — отозвалась, помолчав, Анна Андреевна» [4, т. 3, с. 11].

В контексте всего сказанного нельзя не привести еще одну запись от 5 ноября 1941 г., отразившую конкретную ситуацию, но при этом передавшую решительное неприятие А.А. Ахматовой этнической вражды, антисемитизма:

«Я сказала ей, что сегодня, когда шла к ней через воинский вагон, услышала с верхней полки:

— Я бы тех жидов Гитлеру оставил, нехай он их всех в землю закопает живыми!

— Таких надо убивать! — быстро сказала Анна Андреевна» [4, т. 1, с. 251].

3. Отдельный пласт записей Л.К. Чуковской раскрывает отношение А.А. Ахматовой к переводчикам и выполненным ими переводам с немецкого языка. В частности, в «Ташкентских тетрадах» (запись от 18 января 1942 г.) сохранились слова поэтессы, свидетельствующие о данной ею высокой оценке перевода В.В. Левиком поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка»: «Слушала сегодня перевод «Германии», сделанный Левиком. Отличный перевод. Правда, я сильно опоздала и пришла только к 18-ой главе» [4, т. 1, с. 369]. Отметим, что переводы В.В. Левика из Г. Гейне привлекали внимание эвакуированных в Ташкент писателей, о чем, в частности, свидетельствует новое упоминание о них в записи Л.К. Чуковской от 10 марта 1942 г.: «Левик читал неприличного Гейне» [4, т. 1, с. 401].

Среди переводчиков с немецкого выделялся Б.Л. Пастернак, оценки трудов которого на страницах «Записок об Анне Ахматовой» особенно многочисленны. Например, 31 декабря 1952 г. речь зашла о пастернаковском переводе «Фауста» И.-В. Гете:

«Заговорили о переводах Бориса Леонидовича <...>.

— А »Фауст«?

— Пестро. Начало, где ангелы поют, лучше, чем у Гете. Но вот Маргарита иногда у него грубее, чем надо. У Гете она девочка. Примеряя убор, говорит: «Ах, какие богатые счастливые. А мы бедные». У Пастернака это место сделано не так наивно, гораздо взрослее. Но дальше уже идет точно, ему снова удастся Маргарита-дитя» [4, т. 2, с. 59].

Из записи Л.К. Чуковской от 18 января 1854 г. известно, что накануне Л.К. Чуковская и А.А. Ахматова вновь говорили о па-

стернаковском переводе «Фауста». Поводом для разговора стала присылка Б.Л. Пастернаком Л.К. Чуковской экземпляра «Фауста» с «феноменальной» дарственной надписью: «Дорогая Лидия Корнеевна! Любовь, уважение и благодарность моя Вам, как писательнице, представительнице декабристов и Герцена в нашем веке и дочери Корнея Ивановича — неизмеримы. Желаю Вам здоровья и счастья. Б. Пастернак. 3 янв. 1954 г.» [4, т. 2, с. 86]. Л.К. Чуковская записала в дневнике, что подобную надпись можно было бы принять за «злую издевку», если б не известная доброта Б.Л. Пастернака. «Я «Фауста» читаю потихоньку, а предисловие Вильмонта прочла все и дивлюсь безвкусице» [4, т. 2, с. 86], — завершила свою мысль Л.К. Чуковская.

В сознании Л.К. Чуковской Б.Л. Пастернак вызывал параллели и с другими образами немецкого мира, например, гетевским Вертером, что было отмечено 19 или 20 июня 1960 г.:

«Изобилие, избыточность, не оскудение, не омертвление. «Уже написан Вертер», но сам он, Пастернак, Вертером стать решительно неспособен. Никакой смерти даже в словах о смерти, а »всюду жизнь».

Порядок творенья обманчив,

Как сказка с хорошим концом» [4, т. 2, с. 415].

На момент скандала вокруг Нобелевской премии, присужденной Б.Л. Пастернаку, в МХАТ в его переводе шла «Мария Стюарт» Ф. Шиллера. «После скандала ее прекратили показывать, — отметила в примечании к записям 1958 г. Л.К. Чуковская, — однако вскоре начальство нашло выход: спектакль возобновился без имени переводчика на афишах. Написал — Шиллер. Кто перевел — пусть не знают» [4, т. 2, с. 717].

Еще один переводчик, неоднократно названный Л.К. Чуковской в «Записках об Анне Ахматовой», — К.П. Богатырев. Так, в примечании к записям 1963 г. приведен текст рекомендации, данной переводчику А.А. Ахматовой для вступления в Союз писателей. В этой рекомендации, в частности, отмечено: «К. Богатыреву присуще изощренное чувство стиля, которое позволяет ему мастерски передавать индивидуальности самых разных художников. Диапазон его широк: так, им блестяще воспроизведены на русском языке стихотворения Райнера Марии Рильке, одного из крупнейших германских лириков, и не менее трудные для перевода сатирические стихи, принадлежащие перу поэта-антифашиста Эриха Кестнера. Образный строй, словарь и ритмика обоих, столь непохожих друг на друга поэтов переданы переводчиком с безупреч-

ной точностью, большой находчивостью и свободой» [4, т. 3, с. 326]. В другом примечании Л.К. Чуковская привела текст эпиграфа А.А. Ахматовой на авторской книге «Стихотворений» (1958), подаренной К.П. Богатыреву: «Константину Петровичу Богатыреву за чудесные переводы Рильке. Ахматова. 4 февраля 1961 года. Москва» [4, т. 3, с. 331]; там же среди авторов, переведшихся К.П. Богатыревым, были названы Эрих Кестнер, Эрвин Штриматтер, Бригитта Рейман, Виланд Герцфельд.

В целом можно видеть, что и А.А. Ахматова, и ее биограф Л.К. Чуковская благоволили к К.П. Богатыреву, притом что многие другие переводчики вызывали у них решительное неприятие. Здесь, прежде всего, должен быть упомянут Г.А. Шенгели, так охарактеризованный в примечании к записям Л.К. Чуковской 1955 г.: «Шенгели был приверженцем буквализма, то есть точной передачи смысла каждой отдельной строчки, что мешало ему передавать иную точность: поэтическое очарование подлинника» [4, т. 2, с. 618–619]. Из переводчиков Р.-М. Рильке наибольшие надежды А.А. Ахматова возлагала, наряду с К.П. Богатыревым, на А.М. Гелескула; узнав о намерении последнего переводить Р.-М. Рильке, она воскликнула: «Дай Бог, теперь может быть наконец будет русский Рильке» (примечание к записям 1965 г.) [4, т. 3, с. 455]. Также из записи Л.К. Чуковской от 10 мая 1965 г. известно о знакомстве А.А. Ахматовой с переводами Т.И. Сильман, составившими книгу «Лирики» Р.-М. Рильке, выпущенную в 1965 г. «Художественной литературой»: «От египтян перешла к Рильке – к вышедшему недавно сборнику Рильке в переводе Тамары Сильман» [4, т. 3, с. 287].

4. Тема Р.-М. Рильке затрагивалась в «Записках об Анне Ахматовой» не только в связи с деятельностью конкретных переводчиков К.П. Богатырева, А.М. Гелескула, Т.И. Сильман, но и в широком контексте русской литературы Серебряного века. В позднейшем примечании к одной из записей «Ташкентских тетрадей» 1942 г., восходившем к книге М.И. Белкиной «Скрещение судеб» (1992), Л.К. Чуковская отмечала увлечение М.И. Цветаевой Н.Н. Вильмонтом, оказавшимся в ее глазах похожим на Р.-М. Рильке: «По рассказу биографа Цветаевой, Марина Ивановна «увлеклась Николаем Николаевичем Вильмонтом в августе-сентябре 1940 года... она писала ему письма. Писала по-немецки, готическим шрифтом (Письма, по словам Н.Н. Вильмонта, не сохранились). Она говорила, что Вильмонт похож на Рильке, напоминает ей Рильке, которого, кстати, она никогда не ви-

дела»» [4, т. 1, с. 444]. В записи от 15 октября 1957 г. Л.К. Чуковская, вторя А.А. Ахматовой, не принявшей «Предисловие» Б.Л. Пастернака, рассуждала об отречении последнего от «Охранной грамоты», тогда как «самые сильные, самые поражающие места «Предисловия»: о Скрябине, о лесе, о Рильке, о Блоке, о музыке – как раз могли быть кусками из «Охранной грамоты»...» [4, т. 2, с. 282].

Услышав от Л.К. Чуковской «Куст» М.И. Цветаевой, знаменитое стихотворение «двойчатку», созданное в 1934 г., А.А. Ахматова дала ему высокую оценку, сведя в один «узел» Р.-М. Рильке, М.И. Цветаеву, Б.Л. Пастернака:

« – Великолепно, – сказала Анна Андреевна. – Богато, пышно, полновесная строка. Этому она у Рильке училась. Она и Пастернак.

И попросила прочитать еще раз» (запись от 19 сентября 1962 г.) [4, т. 2, с. 534].

Отметим, что Р.-М. Рильке и А.А. Ахматова оказались упомянуты в одном, неприятном для последней, насмешливом контексте в повести Э.Г. Казакевича «Сердце друга», напечатанной в № 1 журнала «Новый мир» за 1953 г. О том, что некорректность Э.Г. Казакевича долго волновала А.А. Ахматову, можно узнать из относящейся к январю 1954 г. записи Л.К. Чуковской: «...один абзац в повести <...> глубоко оскорбительный <...>. В № 1, на с. 19, говорится, что героине, когда началась война, показались «ничтожными повседневные интересы» ее соучениц, которые «думали о нарядах, молодых людях, и обожали стихи Райнера-Марии Рильке и Анны Андреевны Ахматовой» [4, т. 2, с. 88–89]. Насмешливое упоминание об обоих великих поэтах исчезло только в отдельном издании повести, вышедшем в 1962 г.

5. Тема Э.-Т.-А. Гофмана и русской гофманианы была затронута в записях Л.К. Чуковской в связи с деятельностью объединения «Серрапионовых братьев» и в связи с «Поэмой без героя» А.А. Ахматовой. В первом случае были приведены суждения писательницы Анны Караваевой: «Досталось от Караваевой и немецкому писателю Эрнсту Теодору Амадею Гофману, из чьих сочинений преступная «группа» (в кавычках) или «школа» (в кавычках), низкоклонничая перед гнилым Западом, заимствовала свое наименование... Что такое произведения этого Теодора Амадея? Это – писала Караваева – «пустыня визионерства, реакционной аристократической фантастики и мистицизма» [4, т. 2, с. 13]. Дважды Л.К. Чуковская упоминала о гофманиане «Поэмы без героя»: «Все будто бы сводится

к маскараду и гофманиане. Я не знаю другой вещи, которая в отрывках в такой степени не соответствовала бы самой себе» (январь 1962 г.) [4, т. 2, с. 490]; «...о 13-м годе говорится сквозь гофманиану, а о 41-м – с полной реалистической ясностью» (12 октября 1962 г.) [4, т. 2, с. 545].

6. Отдельные страницы «Записок об Анне Ахматовой» свидетельствуют об интересе поэтессы к Ф. Кафке и его роману «Процесс». В частности, об этом можно узнать из записи от 31 октября 1959 г.:

«Говорила все время почти одна. Пересказала нам весь роман Кафки «Процесс» от начала до конца.

Отозвалась же о романе так:

– Когда читаешь, кажется, словно вас кто-то берет за руку и ведет обратно в ваши дурные сны.

Рассказала тут же и биографию Кафки. На Западе он гремит, а у нас не издается» [4, т. 2, с. 373].

Впоследствии, в 1962 г., критикуя книгу Георгия Иванова «Петербургские зимы», в которой «нет ни одного слова правды», Л.К. Чуковская вспоминала «ощущение, описанное в последней главе «Процесса» Кафки, когда героя ведут по ярко освещенной и вполне благоустроенной Праге, чтобы зарезать в темном сарае» [цит. по: 4, т. 2, с. 709].

7. Отклики немецкой печати на творчество А.А. Ахматовой в последние годы ее жизни охарактеризованы Л.К. Чуковской на примере двух публикаций. В записи, сделанной 9 января 1966 г., можно прочесть: «Затем она вынула из-под подушки сумочку, а из сумочки большие листы: переведенная на русский язык и переписанная на машинке статья какого-то немца в »Die Welt«. Называется «В защиту Ахматовой». Это об отвратительных переводах ее стихотворений на немецкий язык. Примеры... лучше о них не думать» [4, т. 3, с. 315]. В данном случае имелась в виду статья из газеты «Die Welt» от 5 июня 1965 г. «Между молитвой и отчаянием: Защита Анны Ахматовой», написанная журналистом Валентином Польцухом (Polcuch); она содержала похвалу перевода Мари фон Хольбек и разбор ошибок в переводах Ксаверия Шаффготша, предваренные краткой биографией А.А. Ахматовой.

Тогда же, в январе 1966 г., Л.К. Чуковская благожелательно упоминала о статье немецкого романиста, эссеиста и критика Ганса Вернера Рихтера «Эвтерпа с берегов Невы, или Чествование Анны Ахматовой в Таормино», выражая надежду, что ирония Г.-В. Рихтера не обидит поэтессу и она «сквозь иронический тон угадает хвалу» [4, т. 3, с. 316]. Статья Г.-В. Рихтера, сохранившаяся в архиве Л.К. Чуковской в переводе на русский, была напечатана в приложении к позднему изданию «Записок об Анне Ахматовой». Известно, что поначалу, 30 января 1965 г., Г.-В. Рихтер выступил со своей «Эвтерпой с берегов Невы...» по радио, а затем опубликовал ее отдельной брошюрой в Западном Берлине, в издательстве «Friedenauer Presse».

Как видим, многочисленные упоминания образов немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской отчетливо соотносятся с реалиями российской жизни и их восприятием А.А. Ахматовой и ее биографом: тема Э.-Т.-А. Гофмана возникает в связи с деятельностью «Серапионовых братьев» и ахматовской «Поэмой без героя», тема Р.-М. Рильке – в связи с творчеством М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака, русских переводчиков, тема Гитлера – в связи с личностью И.В. Сталина, репрессиями, событиями Великой Отечественной войны и т. д.

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта №2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р. Бернса и У. Блейка в восприятии К.И. Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение – II: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н. Жаткин.* – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.
2. Жаткин Д.Н. Д.Г. Россетти в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (23). – Т. 2. – С. 199–206.
3. Жаткин Д.Н., Комарова Е.В. Традиции творчества А.-Ч. Суинбёрна в русской литературе первой трети XX века // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н. Жаткин.* – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 157–190.
4. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. – М.: Время, 2013. – Т. 1–3.